Статьи. Теория

Пол Хиггс, Крис Джиллеард, Ян Рис Джонс

Эгоистичное поколение: исследование концепции

Paul Higgs, Chris Gilleard, Ian Rees Jones. Exploring the idea of a «selfish generation»

The social sciences have tended to emphasise society's vertical divisions of class, ethnicity and gender while underplaying the significance of horizontal divisions such as age groups and generations. Over the past few years there have been seen signs of change. In Britain as, well as elsewhere, there have been a number of books and articles reflecting a new interest in intergenerational relations and the idea of generational inequality. Many of these debates have seen the affluent baby boom cohort of the West characterised as a «selfish» generation who by ignoring the needs of future generations, have placed in jeopardy the intergenerational compact upon which society depends. In this paper we explore these assumed generational fault-lines by re-examining Karl Mannheim's idea of generation and the potential links that can be made between his idea of «generational style» and Erikson's concept of «generativity». If generativity provides the key psychosocial axis mediating the critical social divisions between age groups, is it possible to see the current concerns over intergenerational relationships as a crisis in the generational style through which generativity is now expressed? Recent evidence from personality psychology indicating the emergence of a ***«generation me»*** might be considered as one potential consequence of such a putative generational shift in generativity.

Key words: Generativity, generational style, third age

Paul Higgs — PhD, Division of Psychiatry, Faculty of Brain Sciences, University College London. Charles Bell House 66–73 Riding House Street. London W1W 7EJ. Research interests: old age, health of elderly people, medical sociology. E-mail: p.higgs@ucl.ac.uk

Chris Gilleard — PhD, Division of Psychiatry, Faculty of Brain Sciences, University College London. Research interests: old age, history of old age. E-mail: cgilleard@aol.com

Ian Rees Jones — PhD, WISE RD (Wales Institute of Social Economic Research Data and Methods), School of Social Sciences, Cardiff University, 46 Park Place, Cardiff, CF10 3BB, Wales. Research interests: old age, health of elderly people, medical sociology.E-mail: JonesIR4@cardiff.ac.uk

Статья написана специально для журнала «Социология власти». Перевод с английского Антона Смолькина под редакцией Ивана Напреенко.

Введение

Долгое время общественные науки придавали первостепенное значение вертикальному расслоению общества по классам, этнической принадлежности или полу, недооценивая такие горизонтальные различия, как возрастные группы или поколения [Gilleard, Higgs, 2005, p. 62]. Однако в последние годы ситуация меняется. Внимание науки и общественности обращено к идее поколенческого неравенства [Beckett, 2010; Howker, Malik, 2010; Willetts, 2010; O'Rourke, 2013]. Часто успешное поколение послевоенного демографического взрыва — так называемых бэби-бумеров — характеризуют как эгоистичное. Утверждают, что оно «извлекло выгоду из уникального набора исторических обстоятельств и вместо того, чтобы стремиться разделить удачу с поколением своих детей... безжалостно сожгло за собой мосты» [Berry, Freeland, 2011]. Бэби-бумеров обвиняют в том, что они ставят под угрозу межпоколенческий контракт, на котором строится общество. Обращение к теме эгоистичного поколения — это также попытка объяснить существующие проблемы общества через логику межпоколенческих границ и критически переописать социальную дифференциацию по возрастным, а не классовым, гендерным или расовым различиям. Чтобы понять, как эта идея получила широкое хождение, необходим подробный характерологический анализ понятия «поколение».

Если проблема межпоколенческой несправедливости обсуждалась достаточно широко, то заметно меньше внимания посвящено вопросам, что такое поколение, как поколение может обладать такими качествами, как «эгоизм», и как он может быть связан с поколенческой несправедливостью. Практически не предпринималось попыток применить мангеймовские понятия «поколение» и «поколенческий стиль» к дискуссиям о поколенческой справедливости и кризисе межпоколенческих отношений. Сам Мангейм был больше озабочен природой поколенческого стиля, т. е. коллективно поддерживаемых осознанных интересов поколения «самого по себе»; вопрос межпоколенческих отношений остался в тени [Mannheim, 1997, p. 51][1]. Связь между поколенческим стилем и межпоколенчески-

1 См. русские переводы этого текста Мангейма, сделанные В. А. Плунгяном и А. Ю. Урманчиевой (Мангейм К. (1998) Проблема поколений. Новое литературное обозрение, №2 (30): 7–47) или Е. Я. Додиным (Мангейм К. (2000) Проблема поколений. Мангейм К. Очерки социологии знания: проблема поколений — состязательность — экономические амбиции, М.: ИНИОН РАН: 8–63). — *прим. перев.*

ми отношениями можно прояснить через понятие генеративности[1], предложенное Эриксоном [Erikson, 1963[2]; 1985].

Для Эриксона генеративность — эпигенетическое свойство, сильнее всего проявляющееся в среднем возрасте и служащее связкой в цикле поколений. С точки зрения межпоколенческих отношений, генеративность — это универсальный набор признаков, которые выражаются в стремлении оказывать помощь и наставлять следующее поколение. Тем самым он уравновешивает стремление молодых к собственной независимой идентичности. Мангейм применял понятие поколенческого стиля к молодежи, рассуждая о поисках идентичности. Но, вероятно, другие жизненные стадии, включая «генеративную», имеют свои поколенческие стили, через которые можно объяснить постепенную смену характера межпоколенческих отношений.

Подобная проблематика актуализируется, когда мы рассматриваем вопросы, связанные с поколением и межпоколенческими отношениями. Можно предположить, что связи, которые существуют между поколениями, являются неотъемлемой частью воспроизводства человеческой жизни в отличие от отношений между классами и этническими группами. Можно ли сказать, что «эгоистичные» поколения испытывают нехватку генеративности? Является ли это допущение особенно верным для поколения бэби-бумеров? Можем ли мы различить социоструктурные и психосоциальные индивидуальные причины межпоколенческой несправедливости, и возможно ли установить между ними связь? В этой статье мы постараемся показать, что тема «эгоизма поколения» выводит нас на более широкие вопросы о понимании поколения, поколенческого стиля и смысла генеративности в современном обществе потребления.

Поколенческий конфликт

Для многих американцев и европейцев проблема межпоколенческого разрыва связана с событиями 1960-х, а также социальными и культурными разногласиями, которые принято называть конфликтом поколений. В этот период культурные изменения коснулись ограничений менее рефлексивной[3] современности, чьи институциональные структуры казались молодежи устаревшими.

1 В некоторых переводах (см., например, следующую сноску) generativity передают как «общечеловечность». — *прим. перев.*

2 См. русский перевод: Эриксон Э. Г. (1996) Детство и общество, СПб.: Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга» или другие издания. — *прим. перев.*

3 Здесь и далее авторы используют терминологию концепции рефлексивной модернизации У. Бека (см. ниже). — *прим. перев.*

Сексуальные запреты, ограничения в развлечениях и морализаторство подверглись критике как ущемление свободы молодых людей, не желающих погрязнуть в унылом конформизме, свойственном, как они считали, их родителям. Поколенческий раскол (schism) поразил весь западный мир; благодаря ему современное общество потребления вышло на новый уровень разнообразия. Но это не единственный пример поколенческого антагонизма.

О конфликте поколений говорили в XX в. неоднократно по-разному, с различными акцентами. В очередной раз тема поколенческой справедливости и равенства зазвучала в 1980-е в связи с перспективами долгосрочной жизнеспособности американского государства всеобщего благосостояния [Williamson, Watts-Roy, 1999, p. 14]. Если для 1960-х были характерны темы признания и самовыражения, то конфликт 1980-х развернулся из-за противоречия между заслугами пожилых и долгосрочными интересами их детей [Longman, 1985; Preston, 1984]. Благосостояние пожилых в США и Европе выросло; в результате многие стали полагать, что налоги и система социальных выплат в целом действует в интересах старших возрастных групп, указывая на несправедливость по отношению к следующим поколениям (ср. с [Longman, 1987; Thomson, 1989]).

Эти дискуссии обрели второе дыхание в 1990-е, когда Лоренс Котликофф начал развивать модель «поколенческого учета» (accounting), чтобы оценить актуальный и будущий масштаб межпоколенческого неравенства, вызванного налогообложением и политикой всеобщего благосостояния [Kotlikoff, 1992][1]. Дискуссии проходили в более консервативные времена, и не удивительно, что они резонировали с неоконсервативными взглядами, которые связывали кризис прав на выплаты[2] в США с программами социального обеспечения, приносящими пользу «главным образом пожилым американцам среднего и высшего среднего класса» за счет будущих поколений [Dowd, 1994, p. 191]. Фоном для дебатов политического свойства служила обеспокоенность структурным влиянием бэби-бумеров на другие поколения, о которых некоторые отзывались в выражениях «благосостоятельные эгоисты» [Johnson, Conrad, Thomson, 1989, p. 7]. Однако даже в США подобные аргументы мало повлияли на споры о политике благосостояния и популярность исследований поколен-

1 См. развитие этого сюжета тем же автором в ставшей бестселлером книге: Котликофф Л., Бернс С. (2005) Пенсионная система перед бурей: то, что нужно знать каждому о финансовом будущем своей страны, М.: Альпина Бизнес Букс. — *прим. перев.*

2 Имеются в виду право на социальное обеспечение и медицинскую помощь — Medicare (федеральная медицинская страховка для пожилых) и Medicaid (медицинское страхование для малоимущих). — *прим. перев.*

ческих конфликтов [Angel, Settersten, 2011, p. 664]. В Великобритании также пытались найти подходы к этой проблематике, но и здесь резонанс оказался скромным (ср. [Age Concern, 1993; Johnson, Conrad, Thomson, 1989]). Важнее всего, что дебаты о поколенческой справедливости имели мало эффекта, пока бэби-бумеры сами не начали выходить на пенсию, и обвинения, обращенные к «эгоистичному» поколению, стали касаться их самих.

Новый виток внимания к сюжету связан с публикацией в Великобритании в конце 2010-х ряда важных работ, одна из которых написана членом консервативного теневого кабинета. В них утверждалось, что британские бэби-бумеры — не просто «удачливое» поколение, но еще и «эгоисты», которые не собирались делиться удачей с наследниками [Beckett, 2010; Howker, Malik, 2010; Willetts, 2010]. Под сомнение ставились не только институции, обусловившие удачу, но и нравственность, характер и воспитание бэби-бумеров. Подразумевалось, что они взяли у общества больше, чем сами готовы отдать. Их аморальное безрассудство трактовалось как перекладывание долга на будущие поколения и разрушение нажитого родителями, которые непосильно работали, чтобы обеспечить благосостояние детей [Beckett, 2010, p. xii]. Хотя обвинение в поколенческом эгоизме — относительно новый аргумент, можно утверждать, что у него есть предыстория. Томпсон за два десятилетия до этого призывал «родившихся в 1940-х и 1950-х... осознать высокую цену необходимых изменений... и добровольно согласиться с новыми налогами, ограничив себя в доходах, услугах и потреблении для того, чтобы построить ... что-то лучшее для наших преемников» [Thomson, 1996, p. 239]. Обеспокоенность моральными достоинствами отдельной возрастной группы разделил апостол третьего возраста[1], Питер Лэслетт. Во введении к переизданию книги Томпсона «Эгоистичные поколения? Как стареют государства всеобщего благоденствия» Лэслетт согласился, что его сверстники должны «быть готовы отдать столько, сколько смогут» [Laslett, 1996, p. x]. В XXI в. богатое поколение бэби-бумеров без конца обвиняли в том, что они замкнуты на себе, озабочены своим социально-экономическим процветанием и ограничивают перспективы роста будущих поколений. Их даже обвиняли в том, что они тратят наследство на «то, чтобы быть молодыми, модными и современными — и все» [Beckett, 2010, p. 91].

1 Питер Лэслетт (1915–2001) — британский историк и популяризатор науки, в числе интересов которого были историческая демография и история старости. Сыграл ключевую роль в основании Университета третьего возраста в 1982 г. — *прим. перев.*

Недавние британские исследования можно считать морализаторской ориентированной на СМИ поп-социологией. Но верно и то, что именно они инициировали дискуссию, которая ведет гораздо дальше, чем обычно заходят социологи[1], и касается ключевого вопроса современной политики [Higgs, Gilleard, 2010]. Важно отметить, что логика новых дискуссий противоречит традиционным подходам к этой теме: большинство авторов стремятся опровергнуть тезис, что для межпоколенческого конфликта существуют реальные основания, и современная политика и культурные изменения не затронули «межпоколенческий контракт» [Silverstein et al., 2002]. Опираясь на результаты исследований внутрисемейных отношений, социологи стремятся выявить тесные и долговременные межпоколенческие связи и сильную ориентацию на реципрокный обмен *в пределах* семьи [Bengston, Giarrusso, Silverstein, Wang, 2000; Kohli, 2005; Lowenstein, Daatland, 2006]).

Расхождение между общественной полемикой и научными исследованиями отражает не только различные точки зрения, но и разное использование термина «поколение», в частности, в обороте «поколение бэби-бумеров». Для участников общественной дискуссии поколение — это *когорта* рождения, и поколенческая справедливость заключается в экономическом паритете между *когортами,* метафорически связанными родством. Социологи же анализируют поколение как *отношения родства* — связи между родителями и их детьми. Поколенческая справедливость здесь не политическая проблема, а скорее индивидуальный баланс неофициальной поддержки и финансовых трансфертов между поколениями внутри семьи. Терминологическое разночтение усиливается при попытке определить временные границы когорты/поколения бэби-бумеров в Америке и Европе. Родившиеся между 1939/45 и 1955/60-ми годами описываются как «бэби-бумеры», «поколение всеобщего благосостояния» или «изобилия». Эти термины применяются к каждому, кто родился в этот период, без оглядки на демографическую специфику [Chauvel, 2002; Peterson, 1985; 1996; Thomson, 1996]. Как следствие, если трудно

1 Уровень интереса к этой теме в СМИ очень высок; приведем несколько примеров заголовков британских газет: Маделин Бантинг «Война поколений оправдана, но — полегче со стариками», *The Guardian от 22 августа 2010;* Ник Коэн «Пусть дети платят», *The Observer, воскресенье, 19 августа 2005;* Роберт Кольвайл «Бумеры слишком много забрали себе и слишком мало оставили другим», *Daily Telegraph от 1 сентября 2010;* Ричард Эдвардс «*Бэби-бумеры* подвели своих детей», *Daily Telegraph от 18 января 2010;* Филип Инмэн «*Бэби-бумеры должны внести свою лепту в британскую экономику*» *The Guardian, понедельник, 5 января 2011;* Пол Валлели «*Обанкротят ли бэби-бумеры Великобританию?*» *The Independent, понедельник, 5 апреля 2010.*

определить и соотнести одно поколение с другими, то еще сложнее пытаться его охарактеризовать.

Идея поколения

Хотя поколение, — несомненно, важный для социальных наук термин, он концептуально многозначен. Когда он используется в качестве эпитета (например, «поколенческая справедливость» или «поколенческий стиль»), его двусмысленность растет. Дэвид Керцер вводит удобное различение четырех значений термина: «поколение как способ описания родства; поколение как когорта; поколение как стадия жизни; и поколение как исторический период» [Kertzer, 1983, p. 126]. Он указывал, что «различные значения поколения смешиваются, иногда преднамеренно» и широко используются публикой, несмотря на многозначность (или даже благодаря ей). Вполне возможно, что тема межпоколенческой справедливости и проблема эгоистичного поколения приводит нас к фигуре изгоев, эдаких козлов отпущения, вокруг которых разворачивается моральная паника.

Работа Джиллеарда и Хиггса [2005] ставит под сомнение необходимость отказаться от термина поколение. Исследователи постарались комбинировать социологическое и внесоциологическое значения термина, понимая когорту как поколение и исторический период, и попытались переопределить его через понятие «поколенческое поле». Для этой задачи задействовано понятие (исторической) поколенческой позиции Мангейма, связанное с (историческим) поколенческим стилем [Gilleard, Higgs, 2005, p. 76; Mannheim, 1997, p. 51]. Мангеймовские понятия поколенческой позиции и поколенческого стиля исследователи приравнивают к понятиям поля и габитуса Пьера Бурдье. Они показывают, как специфический поколенческий габитус может формироваться в течение жизни, структурируя и структурируясь поколенческим полем. Джиллеард и Хиггс сосредоточились на поколенческом поле третьего возраста и его габитусе, рассматривая их как результат социальных процессов, запущенных культурной революцией «долгих шестидесятых». Они предположили, что когорта 1940-х годов рождения сформировала авангард, определивший специфическое поколенческое поле, чей габитус возник в поколенческом расколе того периода [Gilleard, Higgs, 2011].

Может ли такое понимание поколения пролить свет на дебаты об эгоистичном поколении и поколенческой справедливости в странах Запада? Очевидно, текущие проблемы межпоколенческих отношений отличаются от ситуации «долгих 1960-х». Тогда проблема рассматривалась не как возрастная, а исключительно молодежная, связанная с новым поколением, которое стремилось дистанциро-

ваться от ценностей и привычек своих предшественников, отвергая их ограниченность, самодовольство, одержимость статусами и старомодные вкусы. Новая молодежь хотела построить другой мир, лучший, захватывающий, интересный, где свободный выбор, аутентичность и самовыражение будут цениться, а ограничения и чопорность окажутся отвергнутыми. Будущее было иным, и будущее было в руках молодых. Иными словами, поколенческий разрыв 1960-х служил маркером прогрессивного разрыва с прошлым, который открывал новые перспективы.

Поколенческий разрыв в современном обществе происходит не между молодёжью и пожилыми. Это разрыв между теми, кто молод сегодня, и теми, кто уже был молодым, но отказался упустить возможности «другой» (*second*) современности [Gilleard, Higgs, 2000]. В отличие от предыдущих эпох, когда взросление и старость протекали быстро, сегодня люди остаются *деятельными* (*agentic*) и в поздней жизни. Поскольку культурное поле третьего возраста действует в первую очередь через поколенческий габитус бэби-бумеров, это в некоторой степени переопределило природу послевоенного государства всеобщего благосостояния в США и Европе, нанеся очевидный ущерб тем, кто больше всего нуждается сегодня в помощи. Культ выбора и универсального эгалитаризма больше не является прогрессивным структурирующим принципом жизни индивида и западного общества в целом. Поэтому люди, пересекающие шестидесятилетний рубеж, обнаруживают, что, обеспечивая собственную старость, они, как когорта, ограничивают жизненные перспективы молодых. Им вменяется ответственность за формирование эгоистичного поколенческого поля, которому присущи принцип «разбогатей быстро», узкий горизонт планирования, большая забота о личном благе, чем об общественном. Такая рамка понимания и приписывания социологического значения поколению полезна для размышлений о поколенческом эгоизме. Зададимся вопросом, каким образом с ее помощью можно говорить о поколенческом поле в характерологических (characterological) терминах?

Поколенческое изменение: дух времени или характер?

Чтобы понять, относится ли поколенческая несправедливость к свойствам или стилю конкретной когорты, надо определить, характеризуют ли эти свойства жизненный этап, который проходят и другие когорты в том же возрасте, или же подобные особенности присущи только определенной когорте, как, например, предполагаемый эгоизм бэби-бумеров среднего и зрелого возраста. Попытки описать членов когорты как представителей поколения на первый

взгляд могут мало отличаться от попыток характеризовать их как участников специфической культуры или поколенческого поля. Поколенческий габитус (или стиль), который возникает в поколенческом поле третьего возраста и формирует его, характеризуется индивидуализацией практик. На нарративном уровне в качестве ценностей он превозносит выбор, аутентичность и гедонистический образ жизни. Значит ли это, что участникам поколенческого поля характерологически присущи поиск удовольствий и сосредоточенность на себе, то есть полная противоположность эриксоновскому пониманию генеративности? Джиллеард и Хиггс [2005] полагают, что культурное поле третьего возраста американцев и европейцев, а также его габитус, структурирующая структура, связаны с массовым потреблением, сегментацией рынка и расширением возможностей образа жизни и досуга. За этим явлениями они видят действие рынка, которое поддерживает индивидуализированный, гибкий образ жизни, приспособленный для достижения личной аутентичности и счастья. Таким образом, складывается ощущение, что есть по крайней мере фрагментарная близость между третьим возрастом и эгоизмом. Но формирует ли этот габитус основы и характерологические черты поколенческого эгоизма?

Вопрос о том, насколько члены одного культурного поля могут обладать различными особенностями характера или темперамента — часть более общего вопроса об инвариантности или подверженности человеческого характера изменениям в зависимости от места и времени. Этот вопрос бросает вызов универсальным теориям личности и личностного развития не только ключевым теориям развития личности, вроде фрейдизма и наследующих ему школ, но и биологически ориентированным подходам к человеческому характеру, например, модели «большой пятерки» [McCrae, Costa, 1987; 2003][1]. Каким же образом третий возраст может работать в качестве структурирующего принципа, переопределяя психосоциальное развитие взрослых, и как способны инварианты психосоциального развития ограничивать поколенческий габитус, заданный специфическим поколенческим полем (например, третьим возрастом)?

Чтобы вернуться к этому вопросу, мы должны обратиться к двум слабо связанным темам в психологии личности, старой и новой. Первая касается идей Эриксона о межпоколенческих отношениях в контексте его теории психосоциального развития личности

1 Модель «большой пятерки» факторов личности предполагает, что вариативность в человеческих способностях связана с изменчивостью пяти независимых измерений, а именно «экстраверсии», «доброжелательности», «добросовестности», «эмоциональной стабильности», «открытости опыту» [McCrae, Costa, 2003].

[Erikson, 1963]. Вторая же тема возникла в рамках теории личности в современных дискуссиях о поколенческих изменениях. Эти изменения обнаружились в результате тестов на выявление специфики личности, которые проходили когорты молодых американцев после Второй мировой войны [Twenge, 2006]. Означенные дискуссии приобретают релевантность теме статьи, если рассмотреть их сквозь призму идей Эриксона, в частности, через идею цикла поколений [Erikson, 1985]. В следующем разделе мы для начала кратко рассмотрим его теорию.

Эриксон и концепт генеративности: краткий обзор

Эрик Эриксон известен как автор постфрейдистской теории психосоциального развития личности, согласно которой существуют различные, относительно инвариантные стадии человеческого характера от рождения до старости [Erikson, 1963; 1985]. Эриксон выделил восемь таких стадий. На каждой из них человек проходит через психосоциальные кризисы. Каждый из них проявляется особенно ярко биологически, лично и социально — на различных этапах жизненного цикла. Например, новорожденный сталкивается с проблемой *базисного доверия*, которому противостоит *недоверие,* малыш — с проблемой *автономии/стыда*, дошкольник — *инициативности/чувства вины*, школьник — *трудолюбию/неполноценности*, подросток — *идентичности/ролевому беспорядку*, юноша — *интимности/изоляции*, взрослый — *генеративности/стагнации* и, наконец, пожилой человек — *проблеме целостности,* которой противостоит *отчаяние* [Erikson, 1963; 1985][1].

Эриксон утверждал, что сознательная жизнь подчиняется этой инвариантной последовательности (поиски идентичности подростком, стремление к близости в юношеском возрасте, забота, наставничество и способность выносить моральные суждения во взрослой жизни, и, наконец, спокойная целостность и мудрость в старости). При этом исследователь признавал, что кризисы, хотя и привязаны к стадиям, но могут проявиться в менее ярких формах раньше или, наоборот, сказываться после того, как «острый» период миновал [Bradley, 1996; Erikson, 1985]. Эта мультивариативность сделала затруднительной эмпирическую проверку теории Эриксона. Пред-

1 В других переводах этот терминологический набор может излагаться иначе, например: базовое доверие/недоверие, самостоятельность/нерешительность, предприимчивость/чувство вины, умелость/неполноценность, идентификация личности/путаница ролей, близость/одиночество, общечеловечность/самопоглощенность, цельность/безнадежность. — см. Эриксон Э. Г. (1996) Детство и общество... — *прим. перев.*

принималось множество попыток операционализировать каждую стадию, как правило, в форме рейтингов и самозаполняемых анкет, но результаты оказались непоследовательными, частично потому что вопросы, разработанные, чтобы зафиксировать ранние стадии развития (*доверие, автономия, инициатива* и *усилия*), были сформулированы в терминах, на которые может среагировать скорее взрослый или подросток, хотя эти качества, предполагается, появляются или становятся заметны намного раньше [Bradley, 1996, p. 273].

Исследователи-эмпирики концентрировались на способах оценки одной стадии — подростковой или более старшей, пытаясь выявить кризисы «*идентичности*» [Marcia, 1966; Cote, Levine, 1987], «*близости*» [Hamachek, 1990; Orlofsky, Marcia, Lessor, 1973], «*генеративности*» [McAdams, de St. Aubin, 1992; Bradley, Marcia, 1998; Peterson, Klohnen, 1995] или «*цельности*» [Santor, Zuroff, 1994]. Чаще, чем любое другое свойство стадии развития, возможно, за исключением идентичности[1], в фокусе эмпирических исследований на основе эриксоновской теории личности оказывалась генеративность. В результате понятие генеративности расширилось, и процессы ее эпигенезиса стали объектам многих критических исследований [Bradley, 1996; Bradley, Marcia, 1998; Kotre, 1984; 1996; McAdams, de St. Aubin, 1992; Slater, 2003; Vaillant, Milofsky, 1980; Van Geert, 1987; Van Hiel, Mervielfde, De Fruyt, 2006].

Генеративность, изначально определенная Эриксоном как стремление заботиться и наставлять следующее поколение, подразумевает комбинацию продуктивности, творческого потенциала и заботы. Она направлена на «создание новых существ, продуктов и идей ... ради ... воспитания силы в новом поколении» [Erikson, 1985, p. 67]. Неудача в обретении генеративности, как считал Эриксон, ведет к «стагнации и эгоцентризму», «неприятию» (rejectivity) и «отсутствию заботы» [Erikson, 1985, p. 68]. Эгоцентризм, видимо, связан с поколенческим эгоизмом и игнорированием интересов будущих поколений и таким образом характеризует поколение бэби-бумеров. Однако последователи Эриксона не уверены, что эти понятия связаны. Действительно некоторые, например Брэдли и Котр, полагают, что «быть генеративным также означает искать свое место... напористо, оправдывая и возвеличивая себя» [Bradley 1997, p. 283; Kotre, 1984, p. 16–17].

Но главное открытие эмпирических исследований в этой области — это забота о других. В своем обзоре Ван Хиле, Мервиельфд и Де Фрюи [2006] утверждают, что, «как показывают исследования... гене-

1 Обзор работ по идентичности как свойство стадии развития у Эриксона см. [Bosma, Kunnen, 2001].

ративные люди активнее участвуют в социализации своих детей, сильнее вовлечены в воспитательный процесс, отличаются позитивными взглядами на юность... больше заботятся о пожилых родителях... (и), кажется, лучше приспособлены к обществу и сильнее мотивированы его улучшать» [Van Hiel, Mervielfde, De Fruyt, 2006, p. 545]. Такой характерологический портрет не встречается в популярных представлениях о поколении бэби-бумеров, которые, как считается, заинтересованы не столько в сохранении, сколько в растрате наследства собственных детей. Конечно, с этим можно спорить, поскольку Котр и Брэдли предположили, что генеративность не всегда направлена на других, а карьеризм и самопоглощенность также могут формировать генеративность своего рода по принципу «сделай все по-своему» [Bradley, 1997, p. 283]. Ван Хил и коллеги приводят доводы против радикального упрощения, противопоставляющего генеративность и стагнацию. Взамен этого они предполагают, что отсутствие генеративности не подразумевает наличие стагнации, но что оба элемента могут наблюдаться одновременно, и их синтез никогда не оказывается окончательным.

Для современного поколенческого поля третьего возраста характерно доминирование деятельной генеративности над коммунальной. Она предполагает и даже требует, чтобы «личность человека как независимого существа была избавлена от чрезмерной зависимости от опекающих» [Bradley, 1997, p. 283]. Превозношение ценностей выбора и аутентичных способов самовыражения, постоянное подчеркивание, что желающий субъект — это потребитель, высокая роль потребления в формировании образа жизни в позднем возрасте, — все это позволяет предположить, что деятельные аспекты развития личности в середине жизни выразятся ярче, чем аспекты коммунальные. Если стадии развития Эриксона представляют собой не изолированные единицы, а группу независимых, но связанных друг с другом элементов, черт и отношений, то можно полагать, что структурирующие аспекты поколенческого поля обусловливают кризис личной генеративности, который в свою очередь провоцирует определенное сочетание черт и свойств. Эти свойства могут быть оптимально реализованы в особой социальной и культурной ситуации, которой служит описанное выше поколенческое поле третьего возраста.

Развитие «Я-поколения»

В предыдущем разделе мы в общих чертах описали теорию развития личности Эриксона и ее ключевую стадию — обретение генеративности. Мы предположили, что, даже если допустить, что развитие и становление человеческого характера инвариантно, определен-

ные исторические периоды предоставляют больше возможностей определенным способам преодоления кризисов развития взрослого человека, чем другие. Поколенческий габитус третьего возраста, например, может обострить как деятельную *генеративность*, так и эгоцентричную стагнацию, а в другие времена и при иных обстоятельствах проявиться иначе. В своей недавней работе о Я-поколении (generation me)[1] американский психолог Жан Твендж рассматривает схожий комплекс вопросов о связи между социальными, культурными и индивидуальными трансформациями личности, но работая с иной поколенческой перспективой. Также опираясь на идеи Эриксона, Твендж изучает проблему идентичности и самости в ранней зрелости.

Согласно Твендж, молодые американцы, входящие в так называемое поколение миллениума (*millenial generation*), сосредоточены на идеях идентичности и индивидуальности — их в первую очередь волнуют вопросы веры в себя, самоуважения и самореализации. Смещение установок и представлений в эту сторону, по версии исследователя, началось с бэби-бумеров. Поколения, родившиеся в 1970-х, 1980-х и 1990-х, вывели эту сосредоточенность на новый уровень [Twenge, Campbell, 2009, p. 864]. Опираясь на результаты оценки личности американских студентов в период с 1930-х по 2000-е и кросс-темпоральный мета-анализ изменений экзаменационных отметок, Твендж выявила существенный сдвиг самооценки. Студенты стали эгоцентричнее, выросло самомнение, обострилось чувство собственного достоинства, они возлагают больше надежд на будущее [Twenge, 2006; 2008; Twenge, Campbell, 2009]. Твендж настаивает, что аналогичные изменения можно наблюдать на большом количестве примеров. Они говорят о трансформации «личности, самопредставлений, отношений и поведения», рисуя «последовательную картину роста индивидуализма и связанных с ним черт (материализм, нарциссизм, чувство собственного достоинства, недоверчивость)» [Twenge, Campbell, 2010, p. 86]. Другие авторы сохраняют скептический настрой относительно масштабов и значения подобных поколенческих различий, подчеркивая, что личность стабильна во времени (например, [Trzesniewski, Donnellan, 2010; Wong et al., 2008]).

Твендж утверждает, что «поколение — значимая психологическая переменная», и что «каждое поколение формируется неповторимым

1 В англоязычной традиции так иногда называют поколение родившихся в период с 1980-х до начала 2000-х (синонимы: поколение Y, поколение «ЯЯЯ», поколение «некст» и т. п.). Предполагается, что в России миллениалы несколько моложе — социальные потрясения сдвинули начало этого поколения к концу 1980-х. — *прим. перев.*

опытом, полученным в критические моменты развития». Однако эти черты проявляются как «устойчивое, линейное изменение (я), а не циклы или резкая смена поколений» [Twenge, Campbell, 2009, p. 863]. Это положение одновременно поддерживает и губит идею поколенческих различий. Работа Твендж — свидетельство в пользу того, что в послевоенных поколениях эгоизм рос постепенно. Поскольку это свидетельствует в пользу непрерывного изменения, а не четко выраженной смены поколений, можно предположить, что межпоколенческая передача ценностей бэби-бумеров только усилила эти черты. В итоге поворот к самости начался с бэби-бумеров, но следующие поколения зашли значительно дальше в осознании своего достоинства, самоуважении, высоких ожиданиях и низком доверии к окружающим, а также в относительном безразличии к социальному одобрению. В результате можно предположить, старшее поколение станет мишенью претензий молодых, которые росли (воспитывались?), рассчитывая на благополучное легкое будущее и не подозревая, что придется потрудиться. При этом эгоцентризм и нехватка генеративности бэби-бумеров, возможно, препятствовали развитию устойчивого чувства самости последующих поколений.

«Другая современность» (*second modernity*) Запада, описанная Беком [2007], может быть осмыслена как результат культурного сдвига от «серьезности работы» к «серьезности досуга» [Stebbins, 1982], от внешних идентичностей, полученных в награду за труды, к индивидуальным жизненным стилям, которые различаются типами потребления и компульсаторной институциализацией индивидуальных черт [Beck, Beck-Gernsheim, 2002, p. 4]. Работа Твендж хорошо сочетается с этой логикой. Чем глубже люди погружены в другую (или текучую) современность, тем больше их заботят проблемы самореализации в широком смысле этого слова. В то же время на родителей поколения миллениума повлияли поколения, предшествующие «другой современности», и благодаря этому влиянию могла возникнуть попытка решить кризис генеративности среднего возраста посредством активации деятельных или обращенных на себя установок, побуждений и ценностей. Таким образом, выявленные Твендж особенности me generation, живущего бок о бок с поколением миллениума, могут быть прямым следствием того, что родители молодых людей не смогли развить такую культурную или коммунальную генеративность, которая помогла бы им «пережить себя» ради будущих поколений [Kotre, 1984, p. 1996].

Как и Мангейм, Твендж предполагает, что существуют критические периоды развития, приходящиеся на юность, и они формируют взрослую личность. Дилемма поколенческих исследований человеческого характера или личности — не важно, создают ли

их универсальные стадии развития, особые циклы культуры или критические события, — состоит в том, что изученные опытным путем изменения кажутся линейными. Различные аспекты культурных и социальных установок меняются с разной скоростью, но их связь с определенными когортами или поколенческими разрывами не просматривается. Говорить о бэби-бумерах как об эгоистичном поколении так же бессмысленно, как говорить о поколении миллениума как о поколении самовлюбленном. Наблюдения выявили широкие сдвиги установок, отражающие скорее логику периодов, чем когорт. Это подтверждает эриксоновскую мысль, что развитие — процесс, который идет всю жизнь, и потенциал изменений сохраняется на каждой стадии.

Таким образом, можно аргументировано утверждать, что западная послевоенная культура всеобщего благосостояния и массового потребления повлияла на поведенческие установки и /или габитус бэби-бумеров сильнее, чем на предшествующие поколения, и последующие события другой современности кумулятивно воздействовали на эту когорту в зрелости и старости, смещая способы проявления генеративности от коммунальных к деятельным. Подобные изменения, возможно, воздействовали и на когорты более молодых людей, обусловливая их собственное развитие, но на более ранних стадиях жизни повлияв, в частности, на становление их идентичности и складывание близких отношений. Это не означает, что любая возрастная группа, подвергшаяся культурным влияниям поздней современности, посчитает, что в конкретный период времени развиваться психологически сложнее или легче, чем в менее рефлексивные эпохи. Возможно, контекст, в котором возникают эти характерологические кризисы, создает и форму кризиса, и предпочтительный способ выхода из него. Деятельность (agency), которая определяет генеративность бэби-бумеров, и внешнее влияние, которое определяет идентичность поколения миллениума, могут отражать специфику периода психосоциальных конфликтов между молодыми и старшими, когда власть институциональных структур над течением жизни была безвозвратно упущена. Последствия для когорты бэби-бумеров детально рассмотрены. Но, возможно, существеннее то, как переход от первой ко второй, другой современности отзовется в следующих поколений.

Заключение: эгоистичные поколения, поколенческий стиль и генеративность

Статья фокусируется на вопросе, каким образом когорта бэби-бумеров конструируется в качестве эгоистичного поколения. Также в ней обсуждается роль поколений в горизонтальном структури-

рования общества. Мы показали, что поколение не просто альтернативный термин для когорты, но гораздо более сложное понятие. Опираясь на идеи Джиллеарда и Хиггса, мы продемонстрировали, что поколения работают в качестве культурных полей и рассмотрели поколенческий стиль (стили) в качестве габитуса этого поля. Это позволило нам уйти от демографического подхода к вопросу и утверждать, что специфический эгоистичный набор поколенческих диспозиций третьего возраста скорее отражает, чем характеризует специфику поколенческого поля, в которое входят все больше людей. Конечно, это не снимает полностью обвинений в эгоизме, так как нельзя сказать, является ли этот набор диспозиций менее генеративным, чем у предыдущих когорт.

Чтобы ответить на этот вопрос, мы рассмотрели идеи Эриксона, который определял генеративность как процесс, связанный с развитием и реализующийся через взаимодействие между биологическими, социологическими и психологическими факторами. Его последователи существенно развили концепцию стадий развития. Отдельные авторы стремились исследовать генеративность как ключевой аспект развития в зрелом возрасте. Его трактуют через нарративы коммунальности или деятельности [Kotre, 1996, p. 262]; как ряд потенциальных статусов, которые достигнуты в деятельной или коммунальной вовлеченности и через полярные установки исключенности/включенности [Bradley, Marcia, 1998]; как комбинацию поведенческих установок и рассказов, которые отражают заботу и помощь другим [McAdams, de St. Aubin, 1992].

Разрабатывая психосоциальную модель Эриксона, все указанные авторы подчеркивали важность поколенческих отношений в определении внутренних и межличностных конфликтов зрелого возраста. Ценность, приписываемая выбору, аутентичности, самовыражению и удовольствию в потребительском габитусе третьего возраста, можно определить, как запрет ориентации на заботу и внимание о других поколениях. Явный недостаток заботы о будущих поколениях, который выражает хрестоматийная для бэби-бумеров наклейка на бампер «Мы тратим наследство детей», подразумевает, что отдельные пожилые представители субкультур не в состоянии решить этот конфликт развития. Эгоцентризм, согласно эриксоновской логике, препятствует тому, чтобы люди зрелого возраста примирились с неизбежностью смерти, и мешает транслировать последующим поколениям уверенность и веру, необходимые для развития навыков, знания и опыта решения проблем во взрослой жизни. Недавнее исследование Твендж американской когорты миллениума может служить подтверждением этого прогноза, поскольку из него следует, что коллективная неудача когорты бэби-бумеров в достижении уравновешенной и всесторонней генера-

тивности привела к появлению Я-поколения, которому означенные характеристики присущи в еще более острой форме. Дети бэби-бумеров, похоже, вступили в пору зрелости с завышенными ожиданиями, но не готовы при этом к тяжелым жизненным испытаниям. Если все в действительности так, то может оказаться, что целый концепт — генеративность — пал жертвой изменений в структурировании психологических процессов, и идея эгоистичного поколения — лишь троп, поскольку теперь все поколения стали эгоистичными.

Сколь бы спекулятивной ни была такая формулировка, мы приводим ее, чтобы показать, как можно связать социологическое теоретизирование о поколениях и поколенческих изменениях через теорию Эриксона с эмпирическим исследованиями развития личности, индивидуальных нарративов и практик, чтобы ответить на вопросы о межпоколенческой справедливости и эгоизме отдельных когорт. Если у периодизации первой и второй современности есть экономическая база, то у них есть и четкие культурные последствия. Некоторые из них можно описать через поколенческий габитус тех, кто участвует в процессах изменения. Отношения между теми, кто ориентирован на межпоколенческую трансмиссию, и теми, кто занят формированием самости, предполагают, что поколенческий стиль старшей когорты может воздействовать на формирование идентичности следующего поколения. Исследование Твендж предполагает, что бэби-бумеры не столько эгоистичное поколение, как настаивают некоторые авторы, а предки эгоистов.

Перевод с английского Антона Смолькина под редакцией Ивана Напреенко

Библиография/References

Age Concern (1993) *Uniting Generations: Studies in conflict and co-operation*. David Hobman (ed.), London: Age Concern England.

Angel J., Settersten R. (2011) Sociology of aging in the decade ahead. Settersten Jr., Richard A., Angel J. L. (eds) *Handbook of the Sociology of Aging,* N. Y.: Springer.

Attias-Donfut C., Wolff F. C. (2005) Generational memory and family relationships. Johnson, Malcolm L. (ed.) *The Cambridge Handbook of Age and Ageing.* CUP, Cambridge: 443–454.

Beck U. (2007) Beyond class and nation: reframing social inequalities in a globalizing world. *British Journal of Sociology*, 58 (4): 679–705.

Beck U., Beck-Gernsheim E. (2002) *Individualization,* London: Sage Publications.

Beckett F. (2010) *What Did the Baby Boomers Ever Do For Us?* London: Biteback Publishing.

Bengtson V. L., Giarrusso R., Silverstein M., Wang H. (2000) Families and intergenerational relationships in aging societies. *Hallym International Journal of Aging,* 2 (1): 3–10.

Berry C., Freeland R. (in press) Book reviews. *Journal of Social Policy.*

Bosma H. E., Kunnen E. S. (2001) Determinants and mechanisms in Ego Identity development: A review and synthesis. *Development Review*, 21 (1): 39–66.

Bradley C. L. (1997) Generativity-Stagnation: Development of a status model. *Developmental Review*, 17: 262–290.

Bradley, Cheryl L., Marcia, James E. (1998) Generativity-Stagnation; A five category model. *Journal of Personality*, 66 (1): 39–64.

Chauvel L. (2002) *Le Destin des Generations*. 2nd ed., Paris: PUF.

Cote J. E., Levine C. (1987) A formulation of Erikson's theory of ego identity formation. *Development Review*, 7: 273–325.

Dowd A. (1994) Needed: A new war on the deficit. *Fortune, November:* 191–192.

Erikson E. H. (1963) *Childhood and Society*, 2nd ed., N. Y.: Norton.

Erikson E. H. (1985) *The Lifecycle Completed*, N. Y.: Norton.

Erikson E. H., Erikson J. M. (1981) On Generativity and Identity: From a Conversation with Erik and Joan Erikson. *Harvard Educational Review*, 5 (2): 249–269.

Gilleard C., Higgs P. (2005) *Contexts of Ageing: Class, cohort and community*, Cambridge: Polity Press.

Gilleard C., Higgs P. (2011) The third age as a cultural field. In Carr. Dawn and Komp, Katherin (eds.). *Gerontology in the Era of the Third Age,* N. Y.: Springer Publishing: 33–49.

Hamachek D. E. (1990) Evaluating self concept and ego status in Erikson's last three psychosocial stages. *Journal of Counseling and Development*, 68: 677–683.

Harkin J., Huber J. (2004) *Eternal Youths: How the baby boomers are having their time again,* London: Demos.

Higgs P., Gilleard C. (2010) Generational conflict, consumption and the ageing welfare state in the UK. *Ageing and Society,* 30 (8):1439–1451.

Howker E., Malik S. (2010) *Jilted Generation: How Britain bankrupted its youth*, London: Icon Books.

Johnson P., Conrad C., Thomson D. (eds) (1989) *Workers versus Pensioners: Intergenerational justice in an ageing world,* Manchester. Manchester University Press.

Johnson P., Conrad C., Thomson D. (1989) Introduction. Johnson Paul, Conrad Christoph, Thomson David (eds). *Workers versus Pensioners: Intergenerational justice in an ageing world,* Manchester: Manchester University Press: 1–16.

Kertzer D. I. (1983) Generation as a sociological problem. *Annual Review of Sociology*, 9: 125–149.

Kohli M. (2005) Intergenerational transfers and inheritance: A comparative view. Merril Silverstein (ed.). *Annual Review of Gerontology and Geriatrics, Intergenerational Relations Across Time and Place,* N. Y.: Springer, 24: 266–289.

Kotlikoff L. J. (1992) *Generational Accounting: Knowing who pays, and when, for what we spend*, N. Y.: The Free Press.

Kotre J. N. (1984) *Outliving the Self: Generativity and the interpretation of lives*, Baltimore: John Hopkins University Press.

Kotre J. N. (1996) *Outliving the Self: How we live on in future generations,* N. Y.: Norton & Co.

Laslett P. (1996) Preface in Thomson D. *Selfish Generations? How welfare states grow old,* Cambridge: The White Horse Press: i-x.

Longman P. (1985) Justice between generations. *Atlantic Monthly,* (June): 73–81.

Longman P. (1987) *Born to Pay: The new politics of aging in America,*. Boston: Houghton Mifflin.

Lowenstein A., Daatland S. O. (2006) Filial norms and family support in a comparative cross-national context: evidence from the OASIS study. *Ageing and Society,* 26: 203–223.

Mannheim K. (1997) The problem of generations. Melissa Hardy (ed.) *Studying aging and social change: Conceptual and Methodological Issues,* Sage Publications, Thousand Oaks, Ca.: 22–65.

Marcia J. E. (1966) Development and validation of ego identity status. *Journal of Personality and Social Psychology,* 3: 551–558.

McAdams D. P., de St. Aubin E. (1992) A theory of generativity and its assessment through self-report, behavioral acts and narrative themes in autobiography. *Journal of Personality and Social Psychology*, 62 (6): 1003–1015.

McAdams D. P., de St. Aubin E., Logan R. L. (1993) Generativity among young, midlife and older adults. *Psychology and Aging*, 8 (2): 221–230.

McCrae R. R., Costa P. T. Jr. (1987) Validation of the five-factor model of personality across instruments and observers. *Journal of Personality and Social Psychology,* 52: 81–90.

McCrae R. R., Costa P. T. Jr. (2003) *Personality in Adulthood: A five-factor theory perspective*, London: Guildford Press.

Orlofsky J. L., Marcia J. E., Lessor I. (1973) Ego identity status and the intimacy-isolation crisis of young adulthood. *Journal of Personality and Social Psychology*, 27: 211–219.

O'Rourke P. J. (2013) *The Baby Boom: How It Got That Way (And It Wasn't My Fault) (And I'll Never Do It Again),* N. Y.: Grove Press.

Peterson B. E. (2002) Longitudinal analysis of midlife generativity, intergenerational roles and caregiving. *Psychology and Aging*, 17 (1): 161–168.

Peterson B. E., Klohnen E. C. (1995) Realization of generativity in two samples of women at midlife. *Psychology and Aging*, 10: 20–29.

Peterson P. G. (1996) *Will America Grow Up Before It Grows Old?* N. Y.: Random House.

Preston S. E. (1984) Children and the elderly in the United States. *Scientific American*, 251 (6): 44–49.

Quadango J. (1999) Social Security and the Myth of the Entitlement «Crisis». Williamson John B., Watts-Roy Diane M., Kingson Eric R. (eds) *The Generational Equity Debate*, N. Y.: Columbia University Press: 140–156.

Santor D. A., Zuroff D. C. (1994) Depressive symptoms: Effects of negative affectivity and failing to accept the past. *Journal of Personality,* 63 (2): 294–312.

Silverstein M., Conroy S. J., Wang H., Giarrusso R., Bengtson V. L. (2002) Reciprocity

in parent-child relations over the adult life course. *Journals of Gerontology: Social Sciences,* 57B: S3-S13.

Slater C. L. (2003) Generativity versus stagnation: An elaboration of Erikson's adult stage of human development. *Journal of Adult Development*, 10 (1): 53–65.

Stebbins R. A. (1982) Serious leisure: A conceptual statement. *Pacific Sociological Review*, 25: 251–272.

Strauss W., Howe N. (1991) *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*, N. Y.: William Morrow & Co.

Thomson D. (1989) The welfare state and generation conflict: Winners and losers. Johnson Paul, Conrad, Christoph and Thomson David (eds) *Workers versus Pensioners: Intergenerational justice in an ageing world.* Manchester University Press, Manchester: 33–56.

Thomson D. (1991/96) *Selfish Generations? How welfare states grow old,* Cambridge: The White Horse Press.

Trzesniewski K. H., Donnellan M. B. (2009) Revaluating the evidence for increasingly positive self-views among high school students: More evidence for consistency across generations (1976-2006). *Psychological Science*, 20: 920–922.

Trzesniewski, K. H. and Donnellan, M. B. 2010. Rethinking «Generation Me»: A study of cohort effects from 1976–2006. *Perspectives on Psychological Science*, 5 (1): 58–75.

Twenge J. M. (2006) *Generation Me: Why today's young Americans are more confident, assertive, entitled and more miserable than ever before*, N. Y.: Free Press.

Twenge J. M. (2008) Generation Me: The origins of birth cohort differences in personality traits and cross temporal meta-analysis. *Social and Personality Psychology Compass*, 2/3: 1440–1454.

Twenge J. M., Campbell S. M. (2009) Generational differences in psychological traits and their impact on the workplace. *Journal of Managerial Psychology*, 23 (8): 862–877.

Twenge J. M., Campbell S. M. (2010) Birth cohort differences in the Monitoring the Future dataset and elsewhere: Further evidence for Generation Me — Commentary on Trzesniewski and Donnellan (2010). *Perspectives on Psychological Science*, 5 (1): 81–88.

Twenge J. M., Campbell S. M., Hoffman B. J., Lance C. E. (2010) Generational differences in work values: Leisure and extrinsic values increasing, social and intrinsic values decreasing. *Journal of Management*, 36 (5): 1117–1142.

Vaillant G., Milofsky E. (1980) The natural history of male psychological health. IX. Empirical evidence for Erikson's model of the life cycle. *American Journal of Psychiatry*, 137: 1348–1359.

Van Geert P. (1987) The structure of Erikson's model of the eight ages: A generative approach. *Human Development*, 30: 236–254.

Van Hiel A., Mervielde I., De Fruyt F. (2006) Stagnation and generativity: Structure, validity and differential relationships with adaptive and maladaptive personality. *Journal of Personality*, 74 (2): 543–574.

Willetts D. (2010) *The Pinch: How the baby boomers took their children's future and why they should give it back*, London: Atlantic Books.

Williamson J. B., Watts-Roy D. M. (1999) Framing the generational equity debate. Williamson John B., Watts-Roy Diane M., Kingson Eric R. (eds) *The Generational Equity Debate,* N. Y.: Columbia University Press: 3–36.

Wong M., Gardner E., Lang W., Coulon L. (2008) Generational differences in personality and motivation: Do they exist and what are the implications for the workplace? *Journal of Managerial Psychology*, 23 (8): 878–890.